

А. И. Сосланд

Миф: чем он нас завораживает?

Опубликовано в: Труды «РАШ». Вып. 4 (Часть 2). М.: РГГУ, 2007. С. 194-214.

Есть бытие; но именован каким
Его назвать? Ни сон оно, ни бденье;
Меж них оно, и в человеке им
С безумием граничит разуменье.
Он в полноте понятия своего,
А между тем, как волны, на него,
Одни других мятежней, своенравней,
Видения бегут со всех сторон...
Е. А. Баратынский
«Последняя смерть»

Миф. Какие чувства вызывает у нас это понятие? Относимся мы к нему только как к рациональному концепту, наполненному адекватной дискурсивной массой дефиниций и классификаций, обобщений и примеров, или же есть некий эмоциональный отклик, который он, миф, вызывает сам по себе. Каковы те невидимые нити, что тянутся от нас к концептам, которые на первый взгляд сами по себе не должны вызывать эмоционального отклика. Казалось бы, они относятся к пространству научного дискурса и сами по себе не должны вызывать симпатию или антипатию. Тем не менее мы задаем вопрос - за что мы любим *миф как таковой*, безотносительно к отдельно взятым конкретным мифам. Образ мифа вообще, образ мифа как такового, образ мифа как концепта. Что нас здесь привлекает и завораживает? Для понимания того, чем привлекательно мифологическое, мы используем здесь концептуальную логику нашего проекта «аттрактив-анализ», основные положения которого отражены в ряде публикаций¹.

Новая гедонистическая логика.

В пространстве глубинной психологии, начиная с психоанализа было сформировано множество мотивационных концептов. Они имели разную структуру, разный статус, разный объект. В большинстве случаев, к примеру, в концепте либидо, мотивации ориентированы на другого, на объект желания.

Чем привлекателен для культуры и психологии оказался психоанализ? Это была законченная и развернутая гедонистически ориентированная аналитика.

Гедонистическое выступает как некий предел аналитического процесса. Довести анализ до гедонистических корней – для психоаналитика значит обнаружить некие

«последние вещи». Это типично и для классического и лакановского вариантов психоанализа (для теории объектных отношений это справедливо лишь отчасти).

Аттрактив-анализ ставит перед собой задачу формирования новой дискурсивной стратегии, ориентированной на иные реалии. Мотивационно ориентированные построения могут здесь оказаться для нас весьма сподручными.

Трансофилия.

Если начало XX века характеризовалось интенсивным движением за освобождение сексуального от давления репрессии, то актуальная «духовная ситуация эпохи» характеризуется тотализацией гедонистического, причем самым универсальным признаком его становится транс, и это обстоятельство нуждается в адекватном осмыслении.

Мотивация, которая лежит в основе нашей концептуализации, ориентирована не на персонифицированный объект желания, а на состояние, на некий транс. Не составит труда обозначить ее адекватным термином – *трансофилия*. С этой мотивацией мы сталкиваемся часто, собственно каждый день в самых банальных ситуациях. Трансофилия заставляет нас припадать к стакану с вином, или затягиваться сигаретой, усиленно обонять аромат цветочного букета и задерживаться в постели после того, как мы заглушили ужасный звон будильника. С трансофилическим вожделением мы созерцаем солнечный закат или замираем в кресле консерваторского зала. Это наше желание эксплуатируют все, кому не лень – начиная от «гуру» трансцендентальной медитации и кончая ди-джеями на танцполах. Все это вполне банальный, заурядный, всем понятный контекст переживания трансов.

Однако наша цель заключается в том, чтобы применить трансковую логику в ином контексте, а именно применительно к тексту в пространстве гуманитарного знания. Философ, психолог (мы имеем ввиду области психологии, не связанные с экспериментальной работой), филолог делает вид, будто его не интересует ничего, кроме формирования или трансляции неких научных истин, фактов, ценность которых в их адекватности, научной обоснованности, валидности и пр. Если, скажем, беллетристика, вообще «искусство», так или иначе ориентированы на некое «желание», то гуманитарный научный дискурс ни через какие желания, кроме как разве что через властное, никак не обосновывался. Именно это обстоятельство нуждается в определенной коррекции.

Говоря о трансофилии, мы должны помнить следующее. Как и любое другое желание, оно (З. Фрейд все это показал по отношению к либидо) оно должно иметь источник, вектор и цель. Как и любое другое желание, имеющее большую экзистенциальную ценность, оно должно сталкиваться с препятствиями и искать обходные пути. Как и любое другое, оно встраивается в различные социальные контексты.

Гедонистически-трансгредивентный нарратив (ГТН)

Отличие аттрактив-анализа от психоаналитического подхода не ограничивается ключевой мотивационной концепцией. Оно заключается в том, что психоанализ ориентирован преимущественно на интерперсональные отношения, в то время как аттрактивистика – на то, что называют *измененными состояниями сознания* (ИСС), точнее на их культурный репрезентант. Он обозначается нами как *гедонистически-трансгредивентный нарратив* (ГТН), и представляет собой некое повествование, связанное как с ИСС, так и с иными состояниями, имеющими отношение к наслаждению, понимаемому нами достаточно широко.

Наша стратегия по отношению к «гедонистическому», помимо всего прочего заключается в том, чтобы изъять «наслаждение» из позитивистского обихода и представить как социальный конструкт, как своеобразный нарратив. Мы сразу исключаем из круга нашего рассмотрения банальные, подробно разработанные аспекты гедонистического, такие как эстетический и эротический. Итак, о чем речь?

Концепт ИСС нуждается в ревизии

ИСС – Безусловно, это богатый, яркий и заслуженно востребованный концепт, тем не менее, нуждающийся в ревизии и пересмотре. Это диктуется целым рядом очевидных обстоятельств. Тема измененных состояний сознания разбросана в большом и неоднородном интеллектуальном пространстве, между полюсами мистических коннотаций, с одной стороны, и нейрофизиологических, – с другой.

Сложности в дефиниции этого понятия многообразны и приводят авторов – потребителей этих теоретических построений к большим трудностям. Мы не имеем четких критериев для определения границы, где «неизменное состояние сознания» переходит в измененное.

Поворот к нарративному подходу, ориентированному на анализ повествований позволит лучше сориентироваться в конфигурации этих феноменов. На самом деле, речь идет – должна идти – о следах этих состояний в повествованиях, будь то отчеты о них, свидетельства со стороны или даже мимолетные упоминания. Эти состояния не фиксированы иначе, как в отчетах. Нарративный подход фиксирует все обстоятельства, связанные с особыми переживаниями в нетривиальных состояниях.

Отчет о гедонистических переживаниях имеет свой язык, свои нарративные тенденции, свои коннотации. Мы полагаем, что наслаждение следует понимать не только как некий организмичекый процесс, но и как сложный и богатый социальный конструкт. Нам здесь важно, однако, то, что концепт ИСС востребован благодаря именно гедонистическим своим свойствам, а вовсе не в силу некоей «измененности сознания».

Всякий раз это повествование будет противопоставлено некоей рациональной, регламентированной, лишенной эмоции жизни, каковая, собственно и есть реальный оппонент ГТН'а. Важнейший, сущностный аспект гедонистического повествования заключается как раз в этом противопоставлении.

Другой аспект критики концепта ИСС заключается в том, что это, собственно не состояние, но процесс. Процессуальность составляет саму суть трансовых переживаний, ибо реализованное «по ту сторону» освобождение предполагает свободу движения в первую очередь. Любое упоминание о статическом здесь неуместно. Речь идет о динамической составляющей, что мы обсудим ниже.

Крайне неудачным в структуре дефиниции ИСС является использование термина «сознание». Эти состояния относятся к сознанию, ориентированному на когнитивное, контроль и проч., как к чему-то безусловно негативному. Сознание здесь – есть нечто такое, что следовало бы преодолеть, вытеснить. Переживание здесь в значительной степени «контрасознательно».

Интересное в нашем подходе заключается в том, что ГТН есть нечто такое, что подлежит разысканию в текстах, вовсе не ориентированных непосредственно на производство гедонистического – философских, психологических, гуманитарных в широком смысле. Мы исходим из соображения, что эти тексты содержат некие следы состояний наслаждения, которые вполне возможно отследить и выявить, что и будет нами показано в дальнейшем.

Транс-гедонизатор

Все известные исследования по ИСС сходятся на том, что есть различные способы обретения транс². Чем бы транс ни был вызван – это всегда транс. Способы его достижения конвертируются один в другой сплошь и рядом. Известный пример такой конвертации – переход от психоактивного препарата ЛСД к активным дыхательным техникам в трансперсональной психотерапии С. Грофа³

В первую очередь речь идет о психоактивных веществах и о разнообразных психопрактиках. Контексты применения и того и другого тоже известны и многообразны.

Итак, у всех этих нарративов есть общий знаменатель – то средство, которое вводит индивида в транс. Это могут быть специфические психотехники, в том числе, и сакрально-мистического толка, психоактивные вещества, включая сюда, например, ароматические средства и проч.

Холистический аспект

Целостность противопоставляется разорванному, внутренне противоречивому. Если иметь в виду концептуализацию жизненного мира, ориентированную на наличие границ, то ГТН их как бы снимает в пользу некоей целостности.

Одна из существенных черт ГТН – заключается в том, что это всегда некий целостный процесс, что, кстати, никак не отражено в термине ИСС. Аспекты связанные с «сознанием», играют подчиненную роль. Существенные характеристики сознания, такие, как рефлексивность, дискретность, рациональность, контроль выступают как некие преграды для обретения, углубления, формирования ГТН. Они являются здесь чем-то таким, с чем надо «бороться» во имя хорошего «качества» и полноты переживания транса.

Перцептивные наполнители ГТН

Во сне, как известно, к нам приходят сновидения. Психоактивные вещества также провоцируют видения, голоса и многое другое в этом роде. Душевнобольные в патологически измененных состояниях (бред, онейроид, галлюциноз) слышат голоса и страшатся видений. Многие известные психотехники, неважно, терапевтические или сакрально-мистические ориентированы на то, чтобы вызвать у практикующих разные видения. Поэт и художник в состоянии вдохновения могут созерцать своих персонажей или даже беседовать с ними. Не обделен видениями, разумеется, и пророк в так свойственном ему священном экстазе. Возможно сравнительное исследование этих перцептивных наполнителей в зависимости от вида ГТН, от «гедонизатора».

С этим уменьшением контроля и объема репрессивного связаны так же имеющие широкое хождение представления о высоком уровне креативности в трансе. И сновидение, и транс, и поэтическое вдохновение – согласно разным повествованиям в этом духе – прямой путь к открытиям, прозрениям, откровениям.

ГТН и телесность.

Любое гедонистическое переживание интенсивно укоренено в телесности. Телесное обеспечение процесса наслаждения – неизбежный сюжет внутри ГТН. Этот сюжет отчетливо связан с европейской традицией репрессии телесного и подробно проработан во многих текстах, посвященных патопсихологии телесности, а особенно же – телесно-ориентированной психотерапии. Собственно, любой ГТН описывает *дерепрессию* телесности.

Другой телесно-ориентированный сюжет опирается на различие между первичными и вторичными психическими процессами, введенное З. Фрейдом в VII главе «Толкования сновидений»⁴ Первичный процесс, как мы знаем, оперирует предметными представлениями, имеет континуальный характер протекания, характеризуется

вневременностью. Вторичный процесс основан на работе со словесными представлениями, дискретности временного потока, связан с абстрактно-логическим мышлением.

Еще один телесно-ориентированный контекст восходит к теории И. П. Павлова и связан с фундаментальной нейрофизиологической оппозицией торможение versus возбуждение. Редукция к этим базисным феноменам является одним из важных поводов для классификации ГТН. В самом деле, в большинстве случаев речь идет или о неких переживаниях успокоения, или же, наоборот, возбуждения. Так, в сфере психоактивных веществ мы имеем дело с бинарными полюсами производных морфина и мескалина, которые порождают, соответственно, пассивные состояния релаксации или же интенсивного возбуждения.

Легитимация ГТН

Различные культурные практики посвящены тому, чтобы гедонистически-трансное так или иначе узаконить. Пользование наслаждениями может быть встроено в мистическое, в терапевтическое, в коммуникативное и проч. Если раньше «монополией» на легитимацию гедонистического владела сакральная сфера, то сейчас мы видим и другие способы легитимации. Можно говорить о том, что, к примеру, психотерапевтическое вытесняет здесь сакральное.

Наслаждение в каком-то смысле бесконечно и ограничено только возможностями здоровья и благосостояния. Достигнув одного пика, мы скоро начинаем воспринимать его как заурядную рутинную норму. Происходит постоянное снижение порога насыщения, и неизбежны различные стратегии интенсификации.

Эти «интенсификаторы» известны в структуре ГТН в самых разных областях. Не обходится без них, например, эротическая сфера. Она всячески обслуживается афродизиаками, различными приемами ограничения и задержки дыхания.

Условие ГТН – это всегда новизна. Именно этот фактор встраивает гедонистическое в контекст культуры, как ничто другое. Сама по себе телесность не обеспечивает переживание наслаждения в полной степени, важна еще и смена – качественная и количественная способа осуществления такого переживания – иной гедонизатор (см. выше) или, по меньшей мере, новый способ его функционирования. Новизна есть главное условие противопоставления контрамодусу. Повторение – признак трудового, режимного, регламентированного пространства.

Контрамодус

Как уже было сказано, ГТН всегда имеет в виду некое обстоятельство, которому себя противопоставляет. Растворяясь в наслаждениях, мы не забываем того, в пику чему эти наслаждения себя преподносят. «Вопреки чему, против чего, кому назло

наслаждаемся?!» – этот вопрос встроен в самую сердцевину наслаждения и ответ на него может прояснить очень многое в сущности ГТН.

Здесь обратим внимания на два аспекта. Первый контрамодус есть обыденно-трудовое пространство существования, производящее нарративы принципа реальности (НПР), сформированные обстоятельствами долга, обязанностей, регламента, отчетности, контроля. Гедонистическое формируется как оппозиция всему этому делу посредством обесценивания НПР. Эти нарративы снабжаются характеристиками вроде «скудное», «пресное».

ГТН – процессуальное повествование

Отталкиваясь от НПР, или от иного ГТН, актуальный гедонистический процесс разворачивается, дистанцируясь все больше от своих контрамодусов. Итак, мы воспринимаем как наслаждение уход от состояния, которое обозначаем как отсутствие оно. Мы двигаемся прочь от рационально-принудительного, равно как и от состояний, которые предшествуют нашей актуальной гедонистической практике.

Здесь можно выделить два полюса. В одном случае мы строим гедонистический процесс в направлении полюса возбуждения, и тогда девалоризируем некий покой, наделяя его при этом аксиологически негативной метафорикой (болото, гниение, прозябание). Психоактивные вещества здесь – кокаин, аяхуаска и т.п. Сакральная практика – экстатическая, наподобие хлыстовского радения с глоссолалией. Психотерапевтическая практика – групповые техники, направленные на активизацию всех участников и т. п.

В ином случае мы имеем дело с ГТН, ориентированным на релаксацию, покой, и, соответственно, обесцениваются «подвижные» двигательные стратегии, которые снабжаются соответствующими аксиологическими инвективами – (суета, беготня, раздражение). Психоактивные субстанциидвигающие в этом направлении – относятся к кругу морфинов. Адекватные сакральные практики – медитации. Психотерапевтические – «медитациеподобные» – гипноз, собственно медитация, любые анксиолитические действия.

Разумеется, немислимо редуцировать все многообразие гедонистически-трансого к двум или нескольким видам состояний. Они будут различаться по многим параметрам. Соотношение интенсивного и пассивного локусов, точек возбуждения и релаксации распределяется соответственно аксиологическим соображениям.

Аппроприация ГТН'ом противоположных пространств.

Те пространства, где удовольствие не живет, с притягиваются туда, где оно процветает, что вполне естественно. На самом деле, гедонистическое легко заполнит любое место, где его нет, ему везде и всегда рады. А двигаться есть куда.

Заполнению могут подвергнуться пространства страдания и пространства скучного. И там, и там мы наблюдаем локусы гедонистического вакуума. Наделить оба типа территорий гедонистического – действие само собой разумеющееся, причем с обеих, так сказать, сторон: страдание и скука легко отдадут себя под покровительство наслаждения.

Аналогичный ход – непривлекательное становится привлекательным – мы видим в стратегии конструирования такой перверзии, как мазохизм. К примеру, известная сатира на лейбнизианство, «Кандид» Вольтера сближает эти два феномена – оправдание зла и любовь к мукам. Судя по всему, есть еще много стратегий аттрактивизации отталкивающего.

Рациофобия

Гуманитарная дискурсивная стратегия в качестве мишени девалоризации часто выбирает рациональность. Рациональное – связанное с НПП (см. выше), рефлексивное, дискретное противопоставляется в этих стратегиях любовному порыву, художественному вдохновению, сакральному экстазу, интуитивному прозрению, непосредственному контакту с «природным», всему, что так или иначе отмечено эмоциональной интенсивностью. Рациональное сопрягается с «филистерским», низменным, банальным, повседневным, репрессивным.

Возможны различные контексты рациофобии. Нетрудно представить себе художественный контекст, когда поэтическое вдохновение и соответствующий жизненный уклад противопоставляются банальной рассудочности «обывателя». Сакрально-мистический дискурс возбраняет рефлексивно-рациональное, как порождающее сомнения в том, что относится к пространству веры. Эротическая рациофобия помещается в рамках оппозиции между непосредственностью эротического переживания и цепочкой опосредующих рациональных построений.

Для нас очень важно подчеркнуть, что ГТН далеко не всегда является отчетом о «большом» транс, протекающем при полном отключении от реальности «здесь и сейчас». Множество трансов протекает без такого радикального дистанцирования от реального. Именно через них осуществляется эмоциональное восприятие текстов, именно они являются важным звеном в структуре аттрактивистики.

Цис-трансы.

В основе этого понятия лежит своего рода игра слов. Цис, как известно указывает на нечто, находящееся по эту сторону, то есть в пределах некоей очерченной границы, транс, соответственно – по ту сторону. Словом «транс» традиционно обозначают еще и так называемое измененное состояние сознания. *Цис-транс*, таким образом – транс, (ГТН в

нашей терминологии), проходящий без полной потери контакта с реальностью, протекающий без ускользания «за предел». Мы остаемся в пространстве реального (при всей условности и многозначности этого конструкта) и в то же время неким образом выходим за его пределы.

Цис-трансы – это важнейший элемент как повседневной жизни, так и культурной реальности. Цис-трансы обеспечивают как восприятие творений искусства, так и эмоциональный межличностный контакт.

Очень важный аспект цис-трансов – это их тотальное присутствие, повседневная интенсивная распространенность, неспецифичность. Они принимают все время разные нарративные облики, по-разному видоизменяются, можно говорить об их некоей всепроницаемости.

Концептуальное их значение в первую очередь в том, что они позволяют нам построить существенную часть культурной репрезентации опыта ГТН. Если большие экстатические состояния – часть архаической, традиционной культуры, то цис-трансы в большей степени задействованы в современной. Цис-транс относится к большому ГТН примерно так же, как сигарета к дозе тяжелого наркотика – героина, например. Переживания в пространстве современного искусства, судя по всему отличаются по интенсивности от таковых в традиционных культовых экстатических практиках. Эмоции, порождаемые прослушиванием классической симфонии (или даже рок-концерта) вряд ли сопоставимы с опытом в шаманском обряде или в танцах какого-нибудь культа вуду, особенно в тех случаях, когда эти действия щедро снабжены психоактивными средствами.

Стратегия концептуализации этого феномена предполагает инвентаризацию этих состояний, классификацию и структурный анализ. Если перечислять те состояния, которые мы определяем как цис-трансы, то среди них, к примеру окажутся, такие состояния, как: *вдохновение, воодушевление, упоение, истома, томление, восторг, теплота, восхищение, умиление, ностальгия, экзальтация, трепет* и многие другие. Понятно, что мы часто имеем дело и с *некодифицируемыми цис-трансами*. Они вторгаются в наш мир, не имея имени, ускользая от описания.

В отдельных случаях могут возникать трудности с дифференциацией между цис-трансами и большими ГТН. Понятно, что в этой сфере, которая в силу своей коренной радиофобической сущности противится всякому упорядочению, дифференциация есть дело непростое. Термином «экстаз» обозначают скорее большой транс, чем цис-транс, но в каждом случае все определяется конкретным описанием, из которого становится понятным, до какой степени отрешен автор отчета от так называемой реальности.

Эссенциалистский, ориентированный на «сущность» подход при анализе этих состояний был бы неуместен. Но как нарративы, как суммы отчетов они являются более подходящими исследовательскими объектами.

Очень важна дифференциация их от того, что мы называем просто эмоциями. Бросаются в глаза такие дифференциальные признаки, как искейпистский характер, существование в виде «культурных консервов», хотя конечно, здесь необходимы более ясные различительные построения.

Цис-трансы могут обеспечиваться факторами, которые проходят по разряду «свойства личности». К таким нарративным феноменам (эссенциализм и здесь неадекватен) мы можем отнести, к примеру, *сентиментальность, душевность, проникновенность, сердечность, духовность, задушевность, добродушие, великодушие, прекраснодушие* и прочее. Все это своего рода фабрики для производства цис-трансов.

Как ГТН, так и цис-трансы существуют не только в пространстве свойств личности но и больших культурных метанарративов, позволяющих им осуществиться. Эти метанарративы могут рассматриваться как своего рода *плацдармы* разворачивания цис-трансов, легитимируют их, придают им незаурядный аксиологический статус. К таким метанарративам можно отнести такие агрегаты социальных конструкторов, как «*вера*», «*любовь*», «*счастье*», и мн. др.

Интересны те ситуации, когда гедонистический контекст интенсивно вытесняется из нарратива некоей культурной практики. Парадоксальным образом ситуация сакрального *служения, аскезы, «жертвы»* обнаруживает в себе исключительно интенсивный гедонистический потенциал. В первую очередь речь идет об аскетических практиках, прочно увязанных с трансовыми всегда, вне зависимости от конкретной конфессии. Религиозное не столько жертвует наслаждением ради сакрального, сколько создает собственный полноценный гедонистический контекст. Оно вытесняет сексуальное ради иных удовольствий, вводя их в пространство аскетических, медитативных, молитвенных и обрядовых практик.

Миф и сон.

Итак, чем же гедонистически-трансгрессиентный нарратив, чем же его весьма распространенный вид – цис-транс приближают нас к пониманию мифа? Отчасти ответ на этот вопрос мы можем найти уже в психоаналитических текстах, в частности в работе К. Абрахама «Сновидение и миф». Сновидение, полагаем мы, есть прообраз всякого ГТН, включает в себя все его основные аспекты. Что же, по К. Абрахаму, сближают оба феномена?

1. И тому и другому свойственно наличие «символической маскировки истинного содержания», истинное же содержание связано с гратификацией запретного желания.
2. И в сновидении и в мифе мы сталкиваемся с элементами инфантильного мышления. Сновидения имеют отношение к онтогенетическому детству, мифы – к филогенетическому, к «детским желаниям народа».
3. Имеет место и инфантильная идентификация, ребенок отождествляет себя с героем сновидения – принцем, народ – с героем мифа.
4. И в сновидении, и в мифе присутствуют элементы «сгущения», т. е. фабрикация образов, которые репрезентируют одновременно несколько прототипов (сирены, кентавры, Сфинкс).
5. И в сновидении и в мифах распространены стратегии смещения и вторичной обработки⁵.

Мы видим, что связь между ГТН, сновидением и мифом выглядит вполне очевидной и даже наглядной. И там, и там при снижении уровня рационального контроля мы сталкиваемся со схожими перцептивными наполнителями, стратегиями совладания со страхами, аналогичными стратегиями формирования образного строя. Гедонистическое детерминировано здесь отчасти гратификационными аспектами мифа и сновидения, отчасти очевидным ослаблением рационального контроля, тем, что у П. Жане обозначается термином «*abaissement du niveau mental*» - снижение уровня интеллектуального функционирования.

О мифе как о транссе.

Аналогичные соответствия, сближающие мифологическое с трансовым мы обнаруживаем и в текстах филологов, тоже норовящих подойти к проблеме сущности мифа с психологической позиции:

«Главные предпосылки своеобразной мифологической «логики» - это, во-первых, то, что первобытный человек не выделял себя из окружающей природной и социальной среды, и, во-вторых, то, что мышление сохраняло черты диффузности и нерасчленённости, было почти неотделимо от эмоциональной аффектной, моторной сферы». ⁶

Низкий уровень рационального контроля при формировании мифического нарратива неизбежно вело к тому, что миф и сновидение, о чем уже речь шла выше, понимались через сходные характеристики, свойственные обоим:

«Мифологическое мышление выражается в неотчётливом разделении субъекта и объекта, предмета и знака, вещи и слова, существа и его имени, вещи и её атрибутов, единичного и множественного, пространственных и временных отношений, начала и принципа, то есть происхождения и сущности»⁷.

Собственно все, что сказано в этом отрывке можно сказать и о свойствах транса.

Глубинное сходство свойств мифа и *перцептивного наполнителя* ГТН (см. выше) не может не бросаться в глаза. Производство мифического повествования и производство образного строя трансовых грёз осуществляется по сходным принципам.

Все это относится к образу мифа вообще. Какие же механизмы привлекательности лежат в основе нашей рецепции отдельно взятых мифологических типов? Рассмотрим три распространенных типа в мифологической классификации, а именно этиологический, героический и эсхатологический миф.

Миф этиологический.

Изначальность как свойство мифа – это общее место всех концептуализаций по поводу своеобразия мифологического:

Мифическое время есть время «начальное», «раннее», «первое», это «правремя», время до времени, то есть до начала исторического отсчёта текущего времени. Это время первопредков, первотворения, первопредметов, «время сновидений» (по терминологии некоторых австралийских племён, то есть время откровения в снах), сакральное время в отличие от последующего профанного, эмпирического, исторического времени. Мифическое время и заполняющие его события, действия предков и богов являются сферой первопричин всего последующего, источником архетипических первообразов, образцом для всех последующих действий⁸.

Примерно о том же самом пишет и М. Элиаде:

Подразумеваемая идея этого верования состоит в том, что *только первое явление какой-либо вещи значимо*, все последующие ее проявления не имеют такого значения. Поэтому ребенка учат не тому, что сделал отец или дед, а тому, что было сделано Предками в далекие времена. Конечно, отец и дед только подражали Предкам⁹.

В обоих случаях речь идет о некоей тяге к сверхпервичному, каковое в данном контексте выглядит как что-то особо привлекательное.

Один из аспектов аттрактив-анализа обозначен нами как *пронативный*¹⁰ (лат. связанный с рождением). Пронативная привлекательность объединяет в себе такие концепты как ностальгия и идентичность, первичность и естественность. Этот концепт

вводит нас в своеобразную ситуацию сравнительного анализа, где мы сравниваем разные тексты, формы жизни и пр. с точки зрения того, что в большей степени смотрится как «родное». Пронативные сравнения всегда в пользу естественного перед искусственным, подлинного перед наносным, детского перед чем-то позднейшим, древнего перед новым, исконного перед отчужденным.

Пронативная привлекательность лежит, помимо всего прочего, в основании почвеннического, консервативного дискурса, где мы легко можем встретить и очевидно аксиологически негативные коннотации, как, например, ксенофобические.

Родственный пронативному концепт обозначен нами как *примаризм*. Он описывает тенденцию, существующую в глубиннопсихологическом и философском дискурсе. Ей помечен определенный драйв, направленный в сторону неких первооснов¹¹. Этиологический миф привлекает нас двояко. Во-первых он приближает к нам инфантильное, провоцирует регрессию в детское, подобно тому, как это происходит в гипнотических процедурах. С другой стороны, он вооружает нас мощью первичности. Именно оно, первичное обладает исключительной экзистенциальной ценностью, поскольку все остальное – не более, чем эпифеномен. Исходное начало – полюс к которому можно редуцировать все, это золотое обеспечение любого символического капитала, в то время как все остальное, позднейшее – не более чем бумажные ассигнации, которые могут подвергаться инфляции, девальвации и проч.. Этиологический миф, как мы видим, имеет ко всему этому самое непосредственное отношение.

Миф героический.

То, что совершает герой в мифе – это не столько подвиги, соразмерные его реальной, пусть даже очень большой физической силе и храбрости, сколько чудеса. Героический миф всегда скорее повествование о чуде. И в этом смысле можно говорить о *миракулоцентрическом нарративе*.

Чудо может быть рассмотрено, как некое радикальное событие, не просто противоречащее неким законам природы, но существенно превышающем природные потенции. Мощь чудесных сил не может быть ниже, слабее сил природных.

Как бы ни был силен и храбр мифический герой, все равно необходимо вмешательство чудотворных сил – божественного ранга, чтобы событие стало чудом. Чудесной зачастую выглядит сама по себе неправдоподобная сила и храбрость героя, а также способы обретения им этой силы. Чем более «энергоёмкое» явление и чем меньше при этом усилие, затраченное на это явление, тем чудо, скажем так значительнее. Взмах

волшебной палочки, сдвигающий горы, трение старой лампы, вызывающее джинна, исполняющего любые желания – вот примеры несоответствия усилия и последствия.

Размах и значительность чуда наглядно можно оценить через метафору арифметической дроби. В числителе этой дроби – затраченное усилие (допустим, взмах волшебной палочки), в знаменателе – соответственно масштаб свершаемого события (допустим, землетрясение). Чем меньше знаменатель (чем слабее затраченное усилие) и чем больше числитель (размер деяния) тем больше сама дробь, тем больше, соответственно чудо, с которым мы имеем дело.

В пространстве глубинно-психологического дискурса такие связи восходят к описанному Ш. Ференци феномену инфантильного всемогущества¹². Этот феномен маркирует одноименную стадию инфантильного развития. Ребенок в некий период начинает понимать, что он может управлять миром посредством своего голоса. По его крику ему протягивают грудь, меняют мокрое белье, берут на руки, меняют игрушку и т. д. Переход от состояния мнимого всемогущества к реальному восприятию своих ограниченных возможностей – дело длительное и болезненное. Отчасти такая адаптация происходит через восприятие сказочных образов волшебных предметов, таких, как сапоги-скороходы, скатерть-самобранка, ковер-самолет. Речь идет о предметах, связанных с одной очевидной закономерностью: при минимальных затратах – максимальный эффект.

Чудо формирует и определенную коммуникативную ситуацию вокруг себя. Чуду предшествует чаще всего состояние нехватки и ожидания. Вокруг чуда разыгрывается борьба веры и скепсиса. Но миф не живет бес чудесного.

Миф эсхатологический.

Чем же нас может привлечь такое ужасное дело, как конец света? Какую радость можно извлечь из повествований такого рода? У нас уже была возможность высказаться по этому поводу¹³. Вкратце воспроизведем логику наших построений.

Во-первых, провозглашение гибели мира есть максимально возможная иллюзорная gratification садистических склонностей. В структуре психоаналитической парадигмы эти желания проходят по разряду Танатоса, и, таким образом, коренятся в деструктивно-садистической мотивации. Автор (или исполнитель) эсхатологического нарратива осуществляет в воображаемом пространстве иллюкативное уничтожение всего, что он считает нужным или был бы рад уничтожить.

Вокруг эсхатологических повествований неизбежно складывается нетривиальная коммуникативная ситуация. Как у всякого послания, у него есть автор и адресат. Автор индуцирует страх у адресатов с тем, чтобы добиться от них важных мировоззренческих и

поведенческих изменений. “Под дулом” апокалиптической угрозы можно требовать самых радикальных перемен и исполнения самых интересных желаний.

Позиция автора апокалиптического послания есть своего рода «мудрая» позиция, с претензией на некое глубинное измерение. Глубина этого измерения обеспечивается видением предельной перспективы, а именно – смерти всего. Он видит в недостижимой для других перспективе некие крайние пределы. Подлинный пророк – тот, кто предсказывает «дурное». Некритический оптимизм выпадает на долю недалеких обывателей. В полемической коммуникативной ситуации преимущество получает тот участник полемики, который видит “недостаток”, а не достоинство; слабость, а не силу; порок, а не совершенство.

Эсхатологический миф дорог нам именно в силу этих соображений. Его присутствие в идеологическом пространстве позволяет фундировать властный дискурс совершенно особым образом. Присутствие страха, имеющего некий предельный статус, создает возможности для осуществления властно-репрессивных действий, как реальных, так и символических. Среди них могут быть репрессии образца коммунистического или нацистского режимов, где эсхатология была встроена в идеологический дискурс в качестве коренной, неотъемлемой части. Это могут быть, к примеру, рекрутирующие и дисциплинарные практики в пространстве идеобаллических сообществ¹⁴. Одним словом, востребованность эсхатологического в пространстве властного нет вызывает никаких сомнений.

Как видно из сказанного выше, мифологическое монтируется с аттрактивным через различные концептуальные ходы. Думается, что нам удалось продемонстрировать, как именно формируется поле привлекательности мифологии в целом и по разным видам.

Плоды привлекательности.

Крайне своеобразна позиция мифа в пространстве научного дискурса. С одной стороны, речь идет о нарративах, созданных в ситуации крайне низкого уровня рационального контроля. Мифотворческая деятельность с точки зрения идеалов когнитивного совершенства весьма примитивна. Миф всеми преподносится, как продукт филогенетически инфантильной, интеллектуально незрелой творческой деятельности.

С другой стороны, миф представляет собой высокоценный повод именно для интеллектуальной интерпретации. Он имеет исключительно высокую значимость в любом культурном контексте, выступая в роли некоей первоосновы, вместилища неких глубинных, изначальных, предельно значимых экзистенциальных смыслов. Противоречие между очевидной интеллектуальной «несостоятельностью» и особой культурной ценностью создает поле особого интереса к восприятию мифологического.

Общим местом стало то обстоятельство, что в 20 веке миф становится предметом особого интереса. Это явление можно рассматривать как противовес росту объемов рационального, о чем пишут собственно все психологи, все философы. Интерес к мифам не просто антирационален, он всегда встроен в радиофобический дискурс. То, что неомифологизм стал одним из принципов прозы в 20 веке¹⁵, так же связано с тем, что художник в том или ином виде пытается отстоять свой иррациональный статус, и самое важное в этом статусе – поэтическое вдохновение, художнический экстаз, что невозможно исчислить и измерить. Миф связан с трансом, миф связан со сновидением, миф связан с гедонистическим, с властным и т.д.

Вот, собственно, что определяет нашу любовь к мифологическому, вот где корни нашего интереса. Поскольку эти корни имеют такой неизбывный, универсальный характер, то интерес мифу, как таковому, будет нас сопровождать всегда.

ЛИТЕРАТУРА:

-
- ¹ - Сосланд А.И. Антиванитатизм. Концепт системы аттрактив-анализа // Русская антропологическая школа. Труды, вып. 1. М.: РГГУ, 2004а, 488 с., с. 138-152.
Сосланд А.И. Бытие и пространство // 2-я Всероссийская научно-практическая конференция по экзистенциальной психологии (Звенигород, 2-5 мая 2004 г.), М.: 2004с, с.120 – 125.
Сосланд А.И. Введение в аттрактивистику // Мир психологии, № 3 (43), 2005d, с. 233 – 247.
Сосланд А.И. Счастье от безумия // Русская антропологическая школа. //Труды, вып. 3. М.: РГГУ, 2005с, с. 121 – 135.
- ² - Сосланд А.И. Фундаментальная структура психотерапевтического метода, или как создать свою школу в психотерапии. М.: Логос, 1999
Тарт Ч. Измененные состояния сознания / Пер. с англ. – М.:Изд-во ЭКСМО, 2003.
- ³ - Гроф С. Холотропное сознание. М.: АСТ, 2002. 267 с.
- ⁴ - Фрейд З. Толкование сновидений. – Ер.: «Камар», 1991, с. 420-438).
- ⁵ - К. Абрахам Сновидение и миф // Между Эдипом и Озирисом: становление психоаналитической концепции мифа / Сборник. Переводы с нем.- Львов: Инициатива; М.: Изд-во «Совершенство», 1998 – 512 с.
- ⁶ - С. А. Токарев, Е. М. Мелетинский. Мифология // Мифы народов мира. Энциклопедия. (В 2 томах). Гл. ред. С. А. Токарев – М.: «Советская энциклопедия», 1987. – т. 1, с. 12
- ⁷ - там же, с. 13
- ⁸ - там же, с. 13
- ⁹ - М. Элиаде Аспекты мифа / Пер. с франц. М.: Академический проект; Парадигма, 2005. – с.38.
- ¹⁰ - Сосланд А. И. Любовь к смыслу // Проблема смысла в науках о человеке (К столетию Виктора Франкла) Материалы международной конференции (Москва, 19 – 21 мая 2005 г.) М.: Смысл, 2005 с. 94 – 99.
- ¹¹ - там же, с. 96
- ¹² - Ференци Ш. Теория и практика психоанализа: Пер. с нем.- М.: ПЕР СЭ, Спб.: Университетская книга.- 320 с.
- ¹³ - Сосланд А. И. Удовольствие от Апокалипсиса, Логос, 2000, № 3-4, с. 108-115
- ¹⁴ - Сосланд А. И. Об идеологической сущности психотерапевтического сообщества // Московский психотерапевтический журнал, №2 (40), 2004, с. 21-43

¹⁵ - Руднев В. П. энциклопедический словарь культуры XX века. М.: Аграф, 2001, с. 269 - 273